

Богачёв Максим Игоревич,
стажёр-исследователь НУЛ исследований
в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу причин увеличения в России числа лиц, идентифицирующих себя как православные верующие. Автор формулирует основные факторы возрождения православия в России, рассматривает претензии РПЦ на роль субъекта нациостроительства и выдвигает предположения о возможных последствиях данного феномена.

Ключевые слова: православие, религия, нациостроительство.

«Мысль и чувство привыкли к тесной, тяжелой оболочке предрассудков и догматов и хотя обескрылены, изуродованы, но живут уютно, удобно. Эта вера по привычке — одно из наиболее печальных и вредных явлений нашей жизни; в области этой веры, как в тени каменной стены, всё новое растет медленно, искаженно, вырастает худосочным. В этой темной вере слишком мало лучей любви, слишком много обиды, озлобления и зависти, всегда дружной с ненавистью. Огонь этой веры — фосфорический блеск гниения. Но для того, чтобы убедиться в этом, мне пришлось пережить много тяжелых лет, многое сломать в душе своей, выбросить из памяти. А в то время, когда я впервые встретил учителей жизни среди скучной и бессовестной действительности, — они показали мне людьми великой духовной силы, лучшими людьми земли».

М. Горький «В людях»

XXI век предъявил себя как эру неумолимо развивающегося прогресса: многочисленные научные открытия, повсеместное распространение мультимедиа и интернет технологий – практически мир будущего,

возникший из под пера писателя-фантаста. Однако, не смотря на все достижения человеческой мысли, реалии современного мира свидетельствуют не только об отсутствии «конца идеологии»¹, но и о своеобразном возрождении религиозной составляющей политического процесса. Духовный ренессанс общественности, во многом вызванный разочарованием в имеющихся политических идеологиях, на сегодняшний день ставит перед мировым сообществом непростую задачу по решению проблем, возникающих при коммуникации со спецификой религиозного сознания.

Для полноценного решения появившихся проблем необходимо осознать причину их появления. На дворе XXI век - прогресс, машины, технологии. А тут ренессанс религии. Как такое вообще возможно? Даже не сильно исковерканное интеллектом сознание, отвечая на этот вопрос, может припомнить теорию о спиралевидности исторического процесса и без особо труда подкрепить её фактами, постигнутыми из учебников истории для пятого и шестого классов. Сначала был подъём – архитектура, философия, полисная демократия, расцвет науки и культуры о чём свидетельствует великое античное наследие, а после настали Средние века, упадок, разруха, феодализм. Тёмные века, на протяжении которых все достижения человечества были забыты, а философия и наука заменены религией и теологией, в свою очередь закончились эпохами Возрождения и Просвещения, заново «открывшими» и модернизировавшими несправедливо забытое. Предположение о спиралевидном развитии человечества, хорошо иллюстрируемое определёнными периодами ретроспективы вида *homo sapiens*, невольно наталкивает на мысль о месте расположения современности на исторической синусоиде. Диахронически сопоставляя события последних десятилетий и фактический материал тысячелетней давности нетрудно заметить поразительное сходство религиозных составляющих разновременных социумов. Этот аналитический аспект, в российской действительности отягощённый наблюдаемым даже визуально возрождением

религии, наталкивает на мысль о стремлении человечества или, по меньшей мере, его весомой части, к минимальной точке экстремума на заданном множестве. «Мысль об отсутствии непроницаемого барьера между «старым» и «новым» порядками универсализируется: в исторических и социологических исследованиях ведутся поиски доказательств культурной, в том числе религиозной и политической, преемственности между современностью и средними веками. <...> Опыт первых десятилетий XX века приводит к переоценке самого средневековья. Оно всё чаще начинает восприниматься не столько как преодоленное <...> состояние, сколько как постоянно сохраняющаяся потенция – культуры, общества, человеческой природы»².

Размышляя в иных категориях, нам необходимо признать, что люди являются животными существами, по иронии судьбы отягощёнными необходимостью обосновывать окружающий их мир, верить во что-то³. Сначала для этого использовалась мифология, позднее религия, философия, наука, идеология. «Не случайно К. Манхейм относился к идеологиям как к идейным комплексам, основанным на нормативно-этической системе мышления⁴, а М. Вебер прямо называл некоторые идеологические течения (например, тот же марксизм) «суррогатом» религии⁵. Сходных позиций придерживаются и многие современные теоретики. Так, Л.С. Фойер прямо определяет идеологию как «миф, написанный языком философии и науки»⁶, а ряд ученых даже настаивает на идентичности структур (по крайней мере, отдельных) идеологий и религий⁷»⁸.

Однако на сегодняшний день мифология безнадежно устарела, наука стала слишком сложна для понимания обывателя, а распространение прогресса и техники только подтолкнуло людей к духовным поискам⁹. Идеологии, которым не так давно, поторопившись, воспели эпитафии, дискредитировали себя сначала войнами мирового масштаба, а после центристским сближением, царящим в реальной политике. Философия априорно индивидуалистична, к тому же она предполагает наличие

значительных интеллектуальных способностей и постоянных духовных поисков, а потому не может претендовать на роль массового духовного «опиума». Остаётся лишь религия... Феномен поразительным образом сочетающий в себе элементы всех менее удачных творений человеческого сознания. Религиозная амальгама – всеобъемлющий субстрат простой и понятный всем и каждому одновременно с этим сохраняющий трансцендентные компоненты. При этом вера основывается на самой себе – верю в бога, потому что верю в загробную жизнь или в существование высшей силы – тем самым замыкая логическую цепь и умаляя скептические интенции рационального мышления.

Людям необходима духовная опора, вера. Её суть и основания для человечества как вида являются вторичными элементами, потребность – первична. Религия, как и любая идеология, в своей основе имеет слепую веру, которая после обрастает более или менее логичными обоснованиями её правомерности, рациональности, логичности. Первоначальная позиция верующего человека заключается в утверждении приблизительно следующего характера: «Бог есть. И всё. Я верю. Это так». Основанием для верования может являться и не религия, в таком случае обоснование может звучать так: «Русские самые лучшие, потому что, во-первых, это мы». Цикл: «спроси у бога – не ответил? - значит, плохо спрашивал и недостаточно верил», - основывается на вере в то, что бог есть. Сначала необходимо поверить в его существование, а после, как говорится, либо ишак, либо падишах...

Однако специфика современного мира проявляется не только в усложнении науки и идеологическом откате. Ещё одной причиной толкающей людей в XXI веке в религию является одиночество. Интернет, СМИ, ТВ, социальные сети, сотовая связь, системные успехи работодателей в процессе создания идеального работника, особенно в сфере обслуживания, и прочие метаморфозы современности превратили людей в функции, убили духовность и теплоту общения. И людям стало одиноко, в их жизни

образовалась пустота. По сути, человечество более не воспринимается как совокупность индивидов – теперь они управляемые бездушные существа, которых пичкают идеологическими конструктами и рекламой, играющими на просчитанных специалистами витальных и не только мотивах, им говорят что и как надо делать, а главное почему. Они всегда нужны для чего-то, но не сами по себе. Пустота, бездуховность, ненужность, одиночество – таков лейтмотив современной жизни в высокоразвитом обществе. Сильнейшие и активнейшие представители такого мира, способные на сопротивление сложившейся системе, либо поглощаются ей и становятся новыми функционерами, либо исключаются из неё. А победители?.. Убийца дракона, как известно, сам становится драконом.

Люди стали материалом, имеющим функциональные обязательства и требующим определённых благ, таких как: сон, питание, секс, развлечение. Им это дают.... Бросают в клетку как кролику на ферме. Им говорят: «размножайтесь, трудитесь, умирайте», - и способствуют этому, направляют их энергии в необходимое русло. Люди – винтики, одинокие винтики, забытые и ненужные после истечения их срока годности. А им хочется много. Оттого они и идут в церковь, веруют в бога. Что делать старушке, сидя в четырёх стенах? Что делать фермеру, вкальывающему на своём хуторке? Что делать офисному клерку, сутками сидящему за гипсокартонными стенами? Где им видеть помощь и основу? А в общине они со своими, понимающими их людьми, страдающими такими же проблемами, имеющими схожие интересы. Там они молятся, поют, танцуют, веселятся – общаются. Там они в кругу единомышленников, там они не одиноки. Не одиноки, веря в существование бога, не одиноки, говоря с ним. «Религия и национализм, равно как и любая традиция, а также верование, каким бы абсурдным или постыдным оно ни было, если только они связывают одного индивида с другим, являются спасительными прибежищами от того, чего человек больше всего боится: изоляции»¹⁰. Новый мир (прогресс) дал человечеству многое, но он убил теплоту общения (или ещё не смог её

передать), без которой людям не комфортно. Отсюда пустота. Оттого и вера в бога и ренессанс религиозности. К тому же вера даёт нравственный стержень, культурный идентификатор, индивидуальное смыслополагание...

Немаловажно отметить, что религию на протяжении всей истории её существования используют как инструмент управления массами разные институты и группы интересов. Религия давно стала орудием элит. «Внушая иллюзии, но при этом теоретизируя и обобщая факты действительности, идеологии [читай «религии» - М.Б.] стали инструментом формализации общественного самосознания»¹¹. Где-то вероисповедание является основой для консолидации общества, идентификационным стержнем и щитом от культурной экспансии соседей, а где-то причиной для внутригражданского конфликта и стимулом для электоральной поддержки националистических движений. Однако на практике проводимые определёнными группами интересов манипуляции всё чаще драпируются флёром религиозных чувств. Эффективное употребление духовной пищи масс в качестве рычага управления оными приводит к поощрению власть предержащими конфессионально ориентированных тенденций в общественном сознании. Что существенным образом осложняет сложившуюся во флуктуирующем мире ситуацию, и без того далёкую от состояния эквилибриума.

В России общемировой тренд оперирования власть предержащими сакральным осложняется некоторыми особенностями исторического развития. Так результаты социологических опросов за период с 1989 по 2010 г. свидетельствуют о колоссальном росте количества россиян самоидентифицирующих себя с православным вероисповеданием¹². Если в 1989 г. 21,9% граждан РСФСР относили себя к православию¹³, то в 2010 г. уже 76% россиян считало себя православными¹⁴.

Однако аффиляция людей с православным вероисповеданием плохо коррелирует с воцерквлённостью прихожан – частотой похода в церковь, посещением религиозных обрядов, знанием основ вероучения и т.п. Так количество россиян, которые регулярно посещают религиозные службы и

совершают религиозные обряды хотя бы чаще, чем раз в месяц, вообще не является статистически значимым¹⁵. Более того значительная доля лиц, идентифицирующих себя как православные, верят в существование НЛО, придерживаются языческих традиций и не верят в религиозные чудеса¹⁶. «Это связано с тем, что «православие» является компонентой гражданской идентичности в большей степени, чем компонентой религиозной идентичности для россиян»¹⁷. Поэтому в России можно констатировать скорее факт наличия православной квазирелигиозности, нежели увеличения числа православных. Таким образом, результаты нынешнего российского «религиозного возрождения» «оказываются не только очень скромными, они оказываются «бесконечно малой», если не отрицательной величиной»¹⁸.

Тем не менее, не стоит недооценивать опасности, таящиеся за этой квазирелигиозностью. 76% сто сорока миллионной страны, обладающей ядерным вооружением, представляют собой мощную силу. Сам факт отождествления с православным сообществом разительно преобразил позицию и запросы Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП) неожиданно ставшей если уж не обладательницей, то, по крайней мере, руководителем, пастырем данного сообщества и располагаемого им потенциала. Необходимо признать, что власть церкви как института пернициозна, так как неуправляема. Если политическая власть хотя бы формально зависит от граждан, электората и поэтому выступает от их имени, то церковная власть, декламируя свои действия как угодные народу, ни *de jure*, ни *de facto* от населения не зависит. Таким образом, если патриарх говорит, что православные должны голосовать за Путина или что их чувства оскорблены акцией «Pussy riot», то он выступает от лица всех лиц, идентифицирующих себя как православные. Но «верующие» не могут контролировать действия и слова патриарха. Им неподвластно заменить или наказать его. Иными словами церковь как институт использует огромный символический и представительный капиталы, при этом являясь в

достаточной мере закрытым сообществом, неподконтрольным демократическим институтам.

Существенное изменение в самоидентификации большинства россиян, рождённых и воспитанных в светском государстве, вызывает массу вопросов. В частности, почему россияне стали причислять себя к православному вероисповеданию? Предположительно данный феномен каузально связан с такими факторами как:

- потеря нравственного стержня в результате крушения коммунистической идеологии, сенсорная депривация населения;

- потеря ценностных ориентиров в девяностые годы, социальная аномия;

- поиск новой коллективной принадлежности взамен утраченной (желание обрести единомышленников, идентификационный элемент);

- уход духовных ценностей на второй план в связи с тяжёлым экономическим положением, и «возврат к богу» после улучшения экономической ситуации;

- замалчивание грехов, совершённых во время тяжёлого экономического положения;

- мода;

- сохранение за Церковью статуса «защитника и радетеля за народ», при потере доверия общественности к государственным и общественным институтам;

- отсутствие национальной идеи, реминисценция клириков к истории и традициям России, использование церковными институтами традиционного для россиян консервативно-авторитарного идеологического конструкта.

Для полноценного понимания возможных причин увеличения населения, аффилирующего себя с греко-православным вероучением, необходимо обратиться к недавнему российскому прошлому. Распад Советского Союза ознаменовал собой слом колоссальной идеологической системы, успевшей воспитать поколения особо мыслящих «советских

граждан». Сворачивание работы привычной пропагандистской машины, дезавуирование всеохватывающей ценностно-ориентирующей идеологической системы и резкое наступление принципиально иного и враждебного для советского человека капитализма в его крайних и нелицеприятных формах повергли возвращенное в идеалистических тонах население в состояние тяжёлой социальной аномии¹⁹. Иными словами советское государство кануло в лету, но остался советский человек абсолютно не готовый к жизни по новым правилам в новой России. Появилась новая страна, но не новая нация. В головах одно, на практике другое... Идеологии нет, национальной идеи нет, на дворе девяностые: стрельба, убийство, содомия.... Осознание ненормальности и бесчеловечности происходящего в период становления новой России подтолкнуло первую осязаемую волну «ищущих» в религиозные учреждения, выдающие общечеловеческие нормы общежития за исключительно христианские заповеди.

После экономического коллапса, вызванного перестроением советской системы, с наступлением «сытого» путинского времени, обусловленного высокими ценами на нефть, у людей отпала острая потребность в поиске пропитания, ввиду чего высвободились иные нужды – в частности необходимость обоснования своего положения в мире. У людей вскрылась нужда в смыслополагании, национальной идее. «Россия и русский народ в их современном состоянии являют собой разительный пример бессмысленного и бесцельного бытия, т. к. ни на государственном уровне, ни на уровне общественного сознания не просматривается даже контуров тех формулировок, которые ставили бы перед страной общенациональные задачи, предлагая программы их решения, одновременно объясняя цель и смысл единой государственнической жизни»²⁰.

Причины отказа власть предержащих в удовлетворении данной потребности страждущего народа, честно говоря, труднообъяснимы. В качестве версий можно выдвинуть утверждения о том, что власть попросту

боится формулировать общенациональную идею, так как она должна быть представлена жёсткой линией, что может создать препоны при проведении крайне конформистской и ситуативной российской политики. «В современных российских условиях вероятность смены политических стратегий даже выше, чем в предыдущие времена, поскольку, власть не опирается ни только на общественные интересы, но и на государственную традицию, ни династическую, ни на корпоративную»²¹. То есть правящие круги не хотят стать рабами новой идеи, которая при неподчинении ей будет в силах размножить собственных создателей. Не преминем упомянуть и тринадцатую статью Конституции РФ, запрещающую утверждение государственной идеологии. Однако есть и другие более прагматичные варианты – прививка от идеологической машины, сделанная российской силовой «элитой» в недавнем прошлом; проблематичность создания общей идеи, удовлетворяющей запросам не только народа, но и разнохарактерной элиты полиэтничной и поликонфессиональной страны. Повторимся, что причины отказа от создания национальной идеи российской властью автору до конца не понятны, поэтому выяснение этого парадокса оставим персонам в большей степени осведомлённым в этой теме.

Факт в том, что власть отказалась от создания национальной идеи, официальной идеологии. Однако спрос на неё в массах остался. Потребность в смыслополагании, возникшая у граждан Российской Федерации, во многом обусловлена потерей идентификационного конструкта. Люди не понимают, кто они такие, каково их место в мире, однако хотят постигнуть это. Они больше не советские граждане, хотя многие ещё гордятся тем, что «сделаны в СССР» и считают себя гражданами Советского Союза, но происходит постепенное замещение социального материала. И вот новые поколения пусть даже и рождённые в СССР, однако, ввиду малолетства, не сохранившие никаких воспоминаний об этом государстве также задаются аналогичными вопросами. Кто они? То ли русские, то ли россияне? Потеря общего идентификационного элемента, осознаваемая в процессе трудно

усваиваемой национальной рефлексии, привела к тяжёлому духовному кризису и «попытке заместить утраченные идентичности новыми»²². Самостоятельные поиски некоторых выбивающихся за рамки повседневности активистов, выбравших в своих духовных поисках привычную для российского государства кратчайшую дорожку, привели к тому, что «русскость» стала атрибутом национализма. Однако это не прибавило понимания термина «россиянин».

Дезавуирование Советского Союза уничтожило общий для всех граждан империи идентификатор, ситуация, вызванная потерей этого важного для людей мировоззренческого элемента, была значительно ухудшена наступлением эпохи дикого капитализма, что в итоге вылилось в поражающую своей масштабностью атомизацию населения. Эти процессы эксплицитно отобразились на уроженцах советской страны, не имеющих чётких кровнородственных, этнических и конфессиональных привязок к каким-либо группам – так называемых «русских». Российский народ атомизирован, не един, недоверчив, скрытен. И в этом, как это ни парадоксально, он един. Отсутствие идентификаторов, которые могли бы придти на замену ранее принятому национальному признаку – советский гражданин, привели «советских» людей в смятение и принудили к поспешному поиску своей принадлежности, идентичности, как правило, выбираемой ими по языку общения. В действительности кем себя считать ребёнку атеистов украинца и коми (говорящих только на русском языке), родившемуся в 1989 г. на Урале? – Только русским! Такие ситуации в современной России повсеместны, а зачастую весьма комичны: «Ты кто по этничности? – Я русский. А папа кто? – Татарин. А мама? – Башкирка». При этом отождествление себя с группой именуемой как «русские» не имеет под собой чётких идентификационных элементов (европейская внешность, знание русского языка и азов русской литературы оными не являются). Что порождает желание обрести ярко выраженные черты принадлежности к общности, иметь культурные компоненты, связывающие атомизированного

индивида с группой, подобные идентификационным элементам кавказских тейпов или тухумов.

Важным элементом культурного единения народа является его общая история единой точки зрения, на которую российская власть также не предложила. Однобокое преподнесение Великой Отечественной Войны в качестве скрепляющего массы элемента при огромном количестве инохарактерной информации имеющейся в открытом доступе в большей степени дискредитирует подвиг советского народа в глазах людей и оставляет больше вопросов, нежели ответов о роли СССР во Второй мировой войне и XX столетии. «Истощение символических ресурсов прогрессирует, ценностный голод гложет больно; поэтому Победа как последняя ценность эксплуатируется все более отчаянно и притом всё более прагматично, как готовый ответ на любые вопросы и сомнения»²³. При этом не существует чёткой государственной позиции по поводу: роли советских лидеров и проводимой ими политики, массовых репрессии, Гражданской войны и других более отдалённых от современности событий отечественной истории. Данный факт также порождает в головах обывателей смуту и усиливает поиски идентификационного конструкта.

Необходимо признать, что в определённый момент духовные поиски масс, надеющихся обрести «себя», были использованы около властными структурами. Более того власть предрержащие продолжают играть на народных желаниях. Различные лозунги типа: «Россия для русских», «Мы за русских, мы за бедных», «За свободную и русскую Россию» и т.п., - укладываемые, в общем-то, националистическую риторику использовались/используются легальными, кормящимися с государственных рук партиями. Что уж и говорить о многочисленных полулегальных и нелегальных партиях и группировках возникших в России на заре нового тысячелетия²⁴. Спонтанно возникнув на волне «русских» недовольств сложившейся в стране ситуации с экономическим распределением благ, миграцией и т.п. процессами националистические движения были заботливо

прикормлены власть предержащими. Однако стремительно набирающее обороты наци (оно же патриот) движение, курируемое строптивыми сотрудниками ГРУ, заставило власть предержащих поубавить пары в игре с националистическими идеями. Весомым аргументом стали события, произошедшие на Манежной площади, когда организаторы «чутьочку переборщили» и рулевые государства устрашились собственного детища. Тем не менее, полномасштабного сворачивания этого направления не произошло. Власть оставила данную карту не разыгранной, тем не менее, оставив её в колоде.

Сворачивание националистического варианта сыграло значительную роль в переправлении духовных поисков «русского» населения в иное русло. Не смотря на завидную популярность сторонников правых идей, весомая часть населения с подозрением относилась к разнородным националистам, начинавшим с копирования зарубежного опыта и сильно дискредитировавших себя первым опытом. Так идея об «арийской чистоте русской крови» сперва эксплуатируемая некоторыми наци-движениями оттолкнула многих воспитанных на антинационал-социалистическом и антифашистском агитматериале людей, как впрочем, и тех, кто с точки зрения националистов являлся «нечистокровным русским». Посему народные поиски обратились к иным располагающимся неподалёку материям – в частности к религии. Народное желание обрести идентификационный конструкт, озираясь на руины российской действительности, набрело на повсеместно располагающиеся на легальном основании культовые сооружения.

В круговерти образовавшейся после «перестройки» церковь себя мало проявила – оттого отношение к ней у россиян на протяжении всего «смутного времени» девяностых, да и начала двухтысячных оставалось стабильно лояльным в отличие от отношения к властным институтам²⁵. Позитивное отношение к РПЦ во многом обусловлено тем, что «реально в какие-либо контакты с церковью вступало крохотное меньшинство»²⁶.

Помимо этого православный дискурс, включающий в себя остатки идеологических конструктов издревле закладываемых российской, а после и советской властью, вполне удовлетворял духовные притязания россиян. Имперские и великодержавные интенции, блуждающие в массовом сознании многих поколений россиян, выражающиеся: в желании народа быть сильным и внушать страх и угрозы другим странам, в стремлении к проявлению зависти со стороны соседей, в свербёжном вожделинии быть мировым полюсом и мессией, всем доказывающим свою неповторимость и правоту, - и по сей день пленяют умы граждан России. Риторика, мыслящих подобным образом людей, была запечатлена и у отечественных классиков. В частности М. Горького: «Мы — искони Русь, наша вера истинная, восточная, корневая русская вера, а это всё — Запад, искаженное вольнодумство! От немцев, от французов — какое добро? Вон они в двенадцатом-то году...»²⁷. Не забудем упомянуть в качестве традиционных элементов российского сознания и консерватизм, граничащий с традиционализмом²⁸, противопоставление России Западу как цивилизационному оппоненту, а также идею осаждённой крепости и внезапно активизирующуюся гомофобию. Подобные желания и ценностные приоритеты, к сожалению, свойственны всем слоям российского общества²⁹, что эксплицитно видно по лозунгам из предвыборных роликов главной отечественной catch-all party «Единой России»: «Мы не отдадим», «Хочется, чтоб нам завидовали», «Сильной стране нужна сильная армия». Данный факт крайне прискорбен, ибо «отсутствие ценностного плюрализма сковывает развитие общества и замедляет модернизационные процессы»³⁰.

Русская Православная Церковь, тяготеющая к мессианству и притязающая на роль главного православного центра и всесильного адепта «единственного истинного» (ортодоксального) вероучения, со своей реминисцирующей к лучшим традициям и моментам истории России риторикой являла для ищущих «себя» россиян долгожданную «землю обетованную». Грамотная игра церковных пиарщиков на отсылке к образу великой и сильной России прошлого в совокупности с использованием

элементов традиционного для россиян великодержавнического консервативно-авторитарного идеологического конструкта обещала принести богатые плоды. Первыми это смекнули всё те же националисты, по-своему понявшие устоявшееся обозначение «русская православная церковь». Некоторые из них впоследствии даже выбрали себе лозунг, официально признанный разжигающим религиозную рознь – «православие или смерть». Вслед за ними свои объятия распахнула РПЦ издревле известная своими прогосударственными деяниями.

По целому ряду причин РПЦ оказалась в очень выгодном положении: организация не была запятнана в девяностые, она была легальна и лояльно настроена по отношению к власти, в её названии было прописано «русская». Также церковь неофициально курировала сферу нравственности, возымевшую для населения важность в годину высоких цен на нефть, пропагандировала великодержавные идеи о привилегированном положении титульной нации и нациообразующего народа. А главное, РПЦ использовала значительный символический и исторический капиталы, приписывая все достояния некогда существовавших на территории современной России государств собственному благотворному влиянию и преподнося себя как традиционную для населения России в целом, а «русских» в частности религию, активно при этом апеллируя к христианской традиции крещения, соблюдаемой многими россиянами.

Исторически религия является наикрепчайшим идентификационным элементом. Поэтому неудивительно, что народные притязания устремились в лоно церкви. Также религия выступает в качестве крайне эффективного для властей в полиэтничном государстве рычага управления массами. Что достаточно быстро было понято в высших властных эшелонах и обращено во благо правящего режима для «борьбы с теми массовыми инстинктами, которые могут взорвать изнутри рационально сконструированные проекты»³¹. Отметим и возможность использования религии как инструмента

единения и коммуникации разных слоёв крайне расколото в экономическом плане российского общества.

Люди в поисках идентификационного конструкта «обратилось» в православную веру. «При этом синтезирование политической идеи национально-государственного строительства происходило на основе религиозного сознания и ценностей»³². Однако их индивидуально-духовное обращение с религиозной точки зрения есть не что иное, как фарс. Православность для подавляющего большинства «православных» россиян является отображением их гражданской идентичности, «цивилизационного кода»³³, культурной, а не религиозной принадлежности. Поэтому самоидентификацию подавляющего большинства россиян с православным вероучением, на наш взгляд, лучше называть квазирелигиозностью, истинными причинами которой являются духовные поиски россиян, пребывающих в состоянии морально-нравственного и идеологического опустошения после распада СССР. Примечательно, что факт неискренности и выставочной религиозности россиян признают они сами. Так 79,8 % респондентов соглашались с тем, что многие люди хотят показать свою причастность к вере и церкви, но мало кто из них верит по-настоящему³⁴.

Однако обретение идентификационного конструкта не завершило дрейф массового сознания россиян. Более того, обретение народом идентификатора обнажило не менее насущную и не менее острую проблему нациостроительства. В упрощённом виде процесс нациостроительства заключается в ответе на несколько вопросов массового сознания: Кто мы? Что нам надо делать? И зачем нам это надо делать? Роль ответчика на первый вопрос занимает пресловутый идентификатор на момент 2010 г. уже выбранный 76% россиян. А вот объяснением того, что и зачем необходимо делать занимается национальная идея (на данный момент не созданная). Так что с наступлением православного отождествления наиважнейший для страны процесс нациостроительства так и не был завершён, если он, конечно же, с этого начинался.

При текущем положении дел РПЦ может стать реальным субъектом нациостроительства, в её силах дать людям не только идентификатор, но и идею. Более того «её [церкви – *М.Б.*] органическая способность к разговору о ценностях могла бы модифицировать политический дискурс, хотя бы до некоторой степени вывести его из прагматической плоскости (точнее, из прагматического тупика)»³⁵. Однако возможные последствия такого развития событий достаточно туманны, так как до сих пор не понятно, какую роль православная идентификация отводит представителям других даже традиционных для России конфессии.

Необходимо признать, что обретение космополитичными советскими гражданами «без роду, без племени» сначала этнического, а после квазирелигиозного идентификатора, выступающего в роли гражданского определителя, уже на данном этапе создало немало новых проблем. Это не только использование аскриптивного статуса выраженного формулами «русский значит православный», «православный значит русский»; не только притязания церкви на «первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Государство Российское»³⁶; но и отказ от развития позитивного гражданского национализма, и обращение в сторону национализма этническо-религиозного. Не смотря на обещания РПЦ выстраивать взаимоотношения церкви и нации в контексте двух значений этого слова³⁷, фактически термин нация трактуется Православной Церковью только как этническо-религиозная общность. На практике понимание нации в качестве сообщества граждан одной страны для церкви не приемлемо. Согласно риторике РПЦ Россия – страна православная: «Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры — православный народ»³⁸. Что в совокупности с аскриптивными статусами «православности»

и «русскости», подчёркнуто выраженными в самом названии РПЦ этнонимом «русская», выталкивает представителей атеизма и инославных вероучений за рамки государственно-православного дискурса. Следствием предлагаемой русским православием логики является предположение о том, что атеисты и приверженцы других конфессий как бы и не являются представителями российской нации, гражданами, хотя бы, потому что для РПЦ не существует российской нации.

Таким образом, религия, оседланная церковью, может стать системообразующим элементом «моноконфессионального православного сообщества» - «русской православной» нации, но ни как не основой полиэтничной и поликонфессиональной российской гражданской нации³⁹.

Обращение к православию как к идентификационному элементу носит паллиативный характер в деле формирования гражданской нации в России ещё и потому, что ортодоксальная ветвь христианства в целом имманентно автократична и инкорпорирована в государственную структуру⁴⁰.

Продолжая размышления о возможных последствиях ревитализации религии в России, необходимо признать высокую вероятность возможности развития церковно-государственных отношений по традиционному для православия варианту – взаимосуществованию в рамках доктрины цезарепапизма. Церковь предпочитает называть такой образ жизни «симфонией властей», но это не изменяет сущностного содержания данного феномена. «Пётр I мог рубить головы стрельцам и стричь бороды боярам, поскольку опирался на общественное представление о божественной легитимности воли монарха. Сталин мог расстреливать «врагов народа» и проводить модернизацию «сверху», опираясь на силу репрессивного аппарата... <...> Сегодня ситуация иная: у власти нет действенных инструментов для того, чтобы выстроить общество в шеренги и направить их по тому или иному пути»⁴¹. Поэтому на роль орудия легитимизации нынешние руководители России примеряют религию. РПЦ, выступающая в роли религиозного пастыря населения, в обмен на некоторые преференции от

власть предрержащих вновь может стать (или уже стала) апологетом правящего режима, очередным рычагом в процессе управления массами. Однако согласно словам патриарха Кирилла этот процесс является «не сращиванием, а христианизацией нашего общества»⁴².

Зависимость от власти, официоз и жёсткость духовного контроля дважды уже приводили к тому, что российское общество впадало в религиозные крайности. Сначала религиозность, ввиду своей подотчётности светской власти, нежеланию модернизироваться и вступать в полемику с реформаторскими умонастроениями, а главное из-за своей принудительности (в Российской империи переход из православия в другие конфессии был приравнен к уголовно наказуемому преступлению), стала для населения фарсом и формальностью. «Любое проявление самостоятельной религиозной мысли были для человека опаснее, нежели неуловимая никаким формальным контролем утрата веры»⁴³. Что привело к радикальной антирелигиозной компании, эпохе «воинствующего безбожия» и довлеющего марксизма-ленинизма. После всё та же общеобязательность и формализм духовного контроля привели к утрате веры в атеистическое учение коммунизма и довели до другой полярности. «Логика обращений к православию при советской власти была близка к логике обращений к атеистическим формам идеологии при царизме: тоталитаризм и формализм идеологического контроля вновь подталкивали людей к идеям, диаметрально противоположным официальной»⁴⁴.

Религиоведы духовные поиски россиян уподобляют движению маятника. Наблюдаемое на сегодняшний день стремление РПЦ к монополизации духовной сферы жизни общества и возвращению былых позиций в совокупности с массовым «обращением» россиян в греко-православную веру можно интерпретировать как стремление метафоричного маятника к полярной точке его амплитуды. Власть предрержащие продолжают эксплуатировать религиозную тематику для упрочнения и легитимации своего правления. «Элита, активно поддерживаемая Церковью, пытается

получить монополию на формирование общественного сознания»⁴⁵. Однако «чем больше преференций будет получать православная церковь, тем больше батюшка будет занимать смысловую ячейку замполита или парторга. И тем больше будут успехи протестантов или приверженцев радикальных форм ислама»⁴⁶. Маятник качнётся в обратную сторону...

Другим последствием клерикализации России может стать ликвидация ценностной неопределённости. Церковь может дать сверхиндивидуалистично настроенному и атомизированному российскому обществу ценностную однородность и определённость, ликвидировав тем самым последствия социальной аномии. «В конечном счете, ценности легитимируются главным образом в религиозных терминах»⁴⁷. Однако и эта перспектива неоднозначна в своих результатах.

И дело не в том, что верующие люди в меньшей степени толерантны, чем агностики и атеисты, и не в том, что они не имеют прогрессивного отношения к женщинам и более склонны считать высокое неравенство приемлемым⁴⁸, и не в том, что они менее склонны к проявлению сострадания⁴⁹, и даже не в том, что большое количество верующих, часто посещающих религиозные мероприятия, уменьшает темпы экономического роста⁵⁰. Просто ценности, разделяемые греко-православным вероучением в целом, а русским православием в частности, мягко говоря, не очень эффективны (это не относится к топовой десятке общечеловеческих моральных норм). Вышесказанное касается хозяйственной этики православия, и его отношения к индивидуализму, свободе, правам человека, демократии⁵¹. Невольно вспоминаются слова Э. Дюркгейма: «религиозные интересы, по сути, являются не более чем символической формой интересов социальных и моральных»⁵², а «бог есть не более чем фигуральное выражение общества»⁵³.

Ещё одним следствием «воцерковления» российской действительности может стать разделение общества. Уже на данном этапе государственно-церковного сближения среди властной элиты возник конфликт каузально

связанный с усилением роли клерикалов в высших эшелонах власти. В частности, по одной из версий, умаление позиций «главного идеолога Кремля», выраженное заменой его деятельности на новый формат идеологической работы, представленный патриархом В.М. Гундяевым, вынудило В.Ю. Суркова развернуть полномасштабное наступление на РПЦ в СМИ и надолго занять общественную повестку дня. Не смотря на то, что возвращение Суркова на пост идейного кукловода России и не стало итогом антиклерикальной компании, идеолог избежал своеобразного увольнения в запас. Более того, указав на свою необходимость в качестве социоинженера, он занял немаловажный, ввиду смены вектора властного курса, скрупулёзно ищущего новых средств легитимизации существования сложившейся политической системы, пост куратора религиозных процессов, возглавив комиссию по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ⁵⁴.

Кардинальное размежевание общественности по вопросам веры, мобилизовавшее россиян на шквал антицерковного вандализма с одной стороны и частокол из штыков и шашек защитников клерикализма с другой, в данном случае стало побочным явлением, усилившим воздействие PR-компании, нацеленной на ответственных за кадровые перестановки персон и показавшей им значимость и необходимость сохранения проверенных работников в команде.

Таким образом, в общемировом масштабе возрождение религиозности в массах является вполне закономерным процессом. Однако российский случай имеет свою специфику - самоидентификация подавляющего большинства россиян с православным вероучением является квазирелигиозностью, истинные причины, которой - духовные поиски россиян, пребывающих в состоянии морально-нравственного и идеологического опустошения после распада СССР. При этом духовные изыскания наших сограждан прагматически эксплуатируются властью предержащими элитами. Необходимо признать, что и западные государства всё ещё используют религию для политической интеграции общества, но там

политика в значительной степени эмансипирована от религии и воспринимается скорее как доминирующий культурный фактор. В развитых обществах религия сама по себе не воспринимается как конституирующий общество элемент. Это обусловлено тем, что западные страны в процессе своего становления получили «свою собственную легитимацию, возрастающую за счёт их достижений в таких делах светской политики как обеспечение мира и благосостояния»⁵⁵. Иными словами их властям не нужно держаться за религию как за инструмент легитимизации своего существования, они добились этого другими – хорошими делами: защитой жизни и имущества, преумножением благ населения. Поскольку российские власти не могут похвастаться такими общественно благими делами, постольку они прибегают к использованию религии, насаждая и укореняя её в российском обществе. Помимо легитимизации данный метод своей целью имеет: объединение разрозненных социальных слоёв посредством общего идентификационного элемента, уменьшение остроты проблем разительного экономического расслоения, получение дополнительного рычага управления массами, диктата всеобщих уравнивающих ценностей. «Православие вновь, как во времена самодержавия, востребовано властью в качестве духовной пищи бедных и безграмотных, а институт РПЦ — в качестве органа идеологического контроля»⁵⁶.

Возможные последствия ревитализации православия в России крайне неоднозначны. Искренне хочется верить в наилучший исход данного государственного хода, однако рациональное мышление предрекает иные результаты. Так РПЦ может стать главным субъектом нациостроительства, а православие - системообразующим элементом нации, но это будет «русская православная нация», не воспринимающая атеистов и представителей других конфессий как граждан. Распространение православных ценностных ориентаций чревато ксено- и гомофобией ужасающих масштабов, а также экономической неэффективностью трудовой деятельности народонаселения. Борьба клириков и «старых» элит за сферы влияния грозит появлением в (и

без того атомизированном и расколотом обществе) новых камней преткновения. А наклёвывающееся формирование государственно-церковного тандема столь традиционного для России высоковероятно аукнется массовым оттоком «верующих» в иные духовные направления, в том числе и радикального характера.

Список использованной литературы.

- 1) Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries// American Sociological Review.- 2003.-Vol. 68.- N5. pp. 760-781. - [Электронный ресурс].- <http://www.ppge.ufrgs.br/GIACOMO/arquivos/eco02237/barro-mccleary-2003-2.pdf>
- 2) Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth. - Harvard University, April 8, 2003. - [Электронный ресурс].- <http://time.dufe.edu.cn/spti/article/barro/religionandeconomicgrowth.pdf>
- 3) Bell D. The Resumption of History in the New Century // Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma.) - London, Harvard University Press, 2000. P. XI-XXVIII.- [Электронный ресурс].- <http://books.google.ru>
- 4) Durkheim E. Les forms elementaires de la vie religieuse. –P.: P.U.F., 1968.
- 5) Feuer L.S. Ideology and Ideologist. – Oxford: Blackwell, 1975.
- 6) Fromm E. Escape from freedom. - N.Y., Toronto: Holt, Rinehart & Winston, 1964.
- 7) Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People’s opium? Religion and economic attitudes// Journal of Monetary Economics.-2003.-50. P. 225–282. - [Электронный ресурс].- <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=opium%20of%20the%20people%3F%20religion%20and%20economic%20relations&source=web&cd=3&cad=rja&ved=0CDoQFjAC&url=http%3A%2F%2Fciteseerx.ist.psu.edu%2Fviewdoc%2Fdownload%3Fdoi%3D10.1.1.197.7936%26rep%3Drep1%26type>

%3Dpdf&ei=eMtNUNOeDMfj4QTQ9YBg&usg=AFQjCNFHePVgrtPaF2b
ukALc9IOFDdzSlg

- 8) McCleary R. Religion and Economic Development// Policy Review.-2008.-
№148. - [Электронный ресурс].-
<http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/5729>
- 9) Weber M. The Sociology of Religion. – Boston, 1963.
- 10) Адаминин А. Imperium – это власть//После империи/под общ.
ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.135-
145.
- 11) Американцы выяснили, кто добрее – атеисты или верующие. -
[Электронный ресурс].-
<http://www.rbcdaily.ru/2012/05/14/cnews/562949983821559>
- 12) Атака на церковь. - [Электронный ресурс].-
<http://vesti7.ru/news?id=36844>
- 13) Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической
воспроизводимости//Вальтер Беньямин Произведение искусства в
эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. Пер. с нем.
/ Под. ред.Здорового Ю.А. - М.: Медиум, 1996. С.15-65.
- 14) Богачёв М. И. Вера как биологическая потребность
человека//Роль религии в современном обществе: опыт, проблемы,
перспективы. Материалы международной научно-практической
конференции. (г. Петропавловск, 28-29 октября 2011 г.) В 2-х томах.
Т.1. - Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2011. С.58-60.
- 15) Богачёв М. И. Способствует ли православие демократии?//
Государство, гражданское общество и церковь в России: исторический
опыт взаимодействия на фоне политического развития страны:
Материалы III-й Всероссийской заочной научно-практической
конференции, 25 августа 2011 г. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011.
С.90-94.

- 16) Верховский А., Пайн Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»//Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. Под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. -М.: Три квадрата, 2010.– 320 с.
- 17) Горький М. В людях. - [Электронный ресурс].- <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm>
- 18) Деметрадзе М. Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ. - [Электронный ресурс].- <http://ecsocman.hse.ru/text/50307233/>
- 19) Исследование Курьер 1997-6. - [Электронный ресурс].- <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/>
- 20) Исследование Курьер 2002-9. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q
- 21) Исследование Курьер-2003-19. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=1521
- 22) Исследование Мониторинг ИКСИ 2000-III. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q
- 23) Исследование ОМНИБУС 1989-10.-[Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106
- 24) Исследование Омнимбус ВЦИОМ 1995-4. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q
- 25) Исследование Омнимбус РОМИР 2001-9. - [Электронный ресурс].- <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/>
- 26) Кара-Мурза А. А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре [Текст]/А.А. Кара-Мурза, О.А. Жукова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011.– 184 с.
- 27) Касамара В. А., Сорокина А. А. Образ России и её будущего: политическая элита vs представители социального дна // XII Международная научная конференция по проблемам развития

- экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.323-333.
- 28) Каспэ С. И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай/С.И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2012.– 191 с.
- 29) Коваль Т. Б. Личность и собственность в христианстве: Православие. Католицизм. Протестантизм. Сравнительный анализ: дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. – М.: Б.и., 2009. – 458 с.
- 30) Коваль Т. Б. Православие и католицизм о демократии и правах//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 3./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.167-175.
- 31) Коваль Т. Б. Этика труда православия//Общественные науки и современность.-1994. №6. С.55-70.- [Электронный ресурс].- http://ecsocman.hse.ru/data/441/176/1217/006_KOVAL.pdf
- 32) Май А. В. Модели господствующей идеологии. – Иерусалим: The Harry S.Truman Research Institute, the Hebrew University of Jerusalem, 1997.– 384 с.
- 33) Манхейм К. Идеология и утопия. В 2 ч. Ч.1. –М.: ИНИОН, 1992.- 245 с.
- 34) Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. -1992. -№ 1-2. - [Электронный ресурс].- <http://rus-lib.ru/book/27/69/69-3/130-142.html>
- 35) Медведев С. А., Томашев И. А. Политическая аномия в современной России//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.274-282.

- 36) Миголь Е. В., Хавенсон Т. Е. Изучение распределения политических ценностей в России, Франции, Германии и США//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.293-302.
- 37) Общественное мнение – 2010. -М.: Левада-центр, 2011. – 268 с. - [Электронный ресурс].- <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2010>
- 38) Общественное мнение – 2011. - М.: Левада-центр, 2012. – 284 с. – [Электронный ресурс].- <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>
- 39) Основы социальной концепции РПЦ. -[Электронный ресурс].- <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
- 40) Паин Э. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России Империя и нация//После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.102-123.
- 41) Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России / Э.А. Паин; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 69-75.
- 42) Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. - [Электронный ресурс].- http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/index.php
- 43) Религия и церковь в процессе формирования гражданской нации в современной России. - [Электронный ресурс].- <http://www.liberal.ru/articles/5648>
- 44) Садыков Р., Аверюшкин А., Субботин Д. РПЦ против музеев//Научно-просветительский журнал Скепсис. - [Электронный ресурс].- <http://scepsis.ru/>

- 45) Салмин А. М. Современная демократия: очерки становления и развития. - М.: ФОРУМ, 2009. - 384 с.
- 46) Снеговая М. В. Социэкономические и политические предпочтения различных религиозных групп: православные христиане и католики на Украине//XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 3 кн. Кн.3 / отв. ред. Е. Г. Ясин; Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С.140-152. - [Электронный ресурс].- <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf>
- 47) Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. - 2001. - № 2. С.11. С.5-23.
- 48) Сурков возглавил комиссию по вопросам религиозных объединений. - [Электронный ресурс].- <http://www.rg.ru/2012/08/30/surkov-anons.html>
- 49) Тихонова И. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? //После империи/под общ. ред. А. М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 156-176.
- 50) Фурман Д. Е., Каарияйнен К. - Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. - СПб.; М.: Летний сад, 2000. - 248 с. – [Электронный ресурс].- <http://www.verigi.ru/?book=211>
- 51) Яковенко И. Империя и нация//После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.54-60.
- 52) Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография — М.: Научный эксперт, 2009. - 424 с. - [Электронный ресурс].- http://www.rusrand.ru/text/Nov_technologii.pdf

¹См.: Bell D. The Resumption of History in the New Century // Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma.) - London, Harvard University Press, 2000. P. XI-XXVIII.- [Электронный ресурс].- <http://books.google.ru>

² Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. - М.: ФОРУМ, 2009. С.95.

³ См.: Богачёв М.И. Вера как биологическая потребность человека//Роль религии в современном обществе: опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. (г. Петропавловск, 28-29 октября 2011 г.) В 2-х томах. Т.1. - Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2011. С.58-60.

⁴ См.: Манхейм К. Идеология и утопия. В 2 ч. Ч.1. -М.: ИНИОН, 1992.-245 с.

⁵ Weber M. The Sociology of Religion. – Boston, 1963. P. 101-135.

⁶ Feuer L.S. Ideology and Ideologist. – Oxford: Blackwell, 1975. P.96.

⁷ См.: Май А. В. Модели господствующей идеологии. – Иерусалим: The Harry S.Truman Research Institute, the Hebrew University of Jerusalem, 1997. С. 67-85.

⁸ Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. - 2001. - № 2. - С.9.

⁹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости//Вальтер Беньямин Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. Пер. с нем. / Под ред.Здорового Ю.А. - М.: Медиум, 1996. С.15-65.

¹⁰ Fromm E. Escape from freedom. - N.Y., Toronto: Holt, Rinehart & Winston, 1964. P.20.

¹¹ Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. -2001. -№ 2. С.11.

¹² Общественное мнение – 2011. - М.: Левада-центр, 2012. – 284 с. – [Электронный ресурс].- <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2011>

¹³ Исследование Омнибус 1989-10.-[Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106

¹⁴ Общественное мнение – 2010. - М.: Левада-центр, 2011. – 268 с. - [Электронный ресурс].- <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2010>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Исследование Курьер-2003-19. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=1521

¹⁷ Снеговая М.В. Социоэкономические и политические предпочтения различных религиозных групп: православные христиане и католики на Украине//XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 3 кн. Кн.3 / отв. ред. Е. Г. Ясин; Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С.140-152. - [Электронный ресурс].- <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf>

¹⁸ Фурман Д.Е. , Каарийнен К. - Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. - СПб.; М.: Летний сад, 2000. - 248 с. – [Электронный ресурс].- <http://www.verigi.ru/?book=211>

¹⁹ Медведев С.А., Томашев И.А. Политическая аномия в современной России//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.274-282.

²⁰ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография — М.: Научный эксперт, 2009. — 424 с. - [Электронный ресурс].- http://www.rusrand.ru/text/Nov_technologii.pdf

²¹ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России / Э.А. Паин; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Институт социологии РАН, 2004. С.75.

²² Тихонова И. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? //После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 174.

²³ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай/С.И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2012. С.127.

²⁴ См.: Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»//Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. Под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. -М.: Три квадрата, 2010. С. 171-210.

²⁵ Уровень доверия к религиозным организациям стабилен на протяжении длительного периода, в то время как уровень доверия к политическим партиям, милиции, президенту, парламенту и др. государственным институтам падает. См.:

Исследование Омнибус ВЦИОМ 1995-4. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q

- Исследование Мониторинг ИКСИ 2000-III. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q
- Исследование Омнимбус РОМИР 2001-9. - [Электронный ресурс].- <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/>
- Исследование Курьер 2002-9. - [Электронный ресурс].- http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q
- ²⁶ Фурман Д.Е., Каарияйнен К. - Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России.- СПб.; М.: Летний сад, 2000. - 248 с. - [Электронный ресурс].- <http://www.verigi.ru/?book=211>
- ²⁷ Горький М. В людях. - [Электронный ресурс].- <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm>
- ²⁸ Деметрадзе М.Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ. - [Электронный ресурс].- <http://ecsosman.hse.ru/text/50307233/>
- ²⁹ См.: Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России и её будущего: политическая элита vs представители социального дна//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.323-333.
- ³⁰ Миголь Е.В., Хавенсон Т.Е. Изучение распределения политических ценностей в России, Франции, Германии и США//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 2./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.293-302.
- ³¹ Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. - 2001. - № 2. С.13.
- ³² Кара-Мурза А.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре [Текст]/А.А. Кара-Мурза, О.А. Жукова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. С.100.
- ³³ Атака на церковь. - [Электронный ресурс].- <http://vesti7.ru/news?id=36844>
- ³⁴ Исследование Курьер 1997-6. - [Электронный ресурс].- <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/>
- ³⁵ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай/С.И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2012. С.122.
- ³⁶ Основы социальной концепции РПЦ. -[Электронный ресурс].- <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
- ³⁷ См.: Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См.: Религия и церковь в процессе формирования гражданской нации в современной России. - [Электронный ресурс].- <http://www.liberal.ru/articles/5648>
- ⁴⁰ См.: Богачёв М.И. Способствует ли православие демократии?// Государство, гражданское общество и церковь в России: исторический опыт взаимодействия на фоне политического развития страны: Материалы III-й Всероссийской заочной научно-практической конференции, 25 августа 2011 г. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011. С.90-94.
- ⁴¹ Паин Э. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России Империя и нация//После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.118.
- ⁴² Атака на церковь. - [Электронный ресурс].- <http://vesti7.ru/news?id=36844>
- ⁴³ Фурман Д.Е. , Каарияйнен К. - Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России.- СПб.; М.: Летний сад, 2000. - 248 с. - [Электронный ресурс].- <http://www.verigi.ru/?book=211>
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Адаминин А. Imperium – это власть//После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.140.
- ⁴⁶ Яковенко И. Империя и нация//После империи/под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 60. С.54-60.
- ⁴⁷ Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. - [Электронный ресурс].- http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/index.php
- ⁴⁸ См.: Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People’s opium? Religion and economic attitudes// Journal of Monetary Economics.-2003.-50. P. 225–282. - [Электронный ресурс].- <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=opium%20of%20the%20people%3F%20religion%20and%20economic%20relations&source=web&cd=3&cad=rja&ved=0CDoQFjAC&url=http%3A%2F%2Fciteserx.ist.psu.edu%2Fviewdoc%2Fdownload%3Fdoi%3D10.1.1.197.7936%26rep%3Drep1%26type%3Dpdf&ei=eMtNUNOeDMfj4QTQ9YBg&usq=AFQjCNFHePVgrtPaF2bukALc9IOFDdzSlg>
- ⁴⁹ Американцы выяснили, кто лучше – атеисты или верующие. - [Электронный ресурс].- <http://www.rbcdaily.ru/2012/05/14/cnews/562949983821559>
- ⁵⁰ См.: Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries// American Sociological Review.- 2003.-Vol. 68.- N5. pp. 760-781. - [Электронный ресурс].- <http://www.ppge.ufrgs.br/GIACOMO/arquivos/eco02237/barro-mccleary-2003-2.pdf>
- Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth. - Harvard University, April 8, 2003. - [Электронный ресурс].- <http://time.dufe.edu.cn/spti/article/barro/religionandeconomicgrowth.pdf>

McCleary R. Religion and Economic Development// Policy Review.-2008.-N148. - [Электронный ресурс].- <http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/5729>

⁵¹ См.: Коваль Т.Б. Этика труда православия//Общественные науки и современность.-1994. №6. С.55-70.- [Электронный ресурс].- http://ecsocman.hse.ru/data/441/176/1217/006_KOVAL.pdf

Коваль Т.Б. Православие и католицизм о демократии и правах//XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. Кн. 3./ отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.167-175.

Коваль Т.Б. Личность и собственность в христианстве: Православие. Католицизм. Протестантизм. Сравнительный анализ: дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. – М.:Б.и., 2009. – 458 с.

⁵² Durkheim E. Les forms elementaires de la vie religieuse. –P.: P.U.F., 1968. P. 220.

⁵³ Ibid. P. 307.

⁵⁴ Сурков возглавил комиссию по вопросам религиозных объединений. - [Электронный ресурс].- <http://www.rg.ru/2012/08/30/surkov-anons.html>

⁵⁵ Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. -1992. -№ 1-2. - [Электронный ресурс].- <http://rus-lib.ru/book/27/69/69-3/130-142.html>

⁵⁶ Садыков Р., Аверюшкин А., Субботин Д. РПЦ против музеев//Научно-просветительский журнал Скепсис. - [Электронный ресурс].- <http://scepsis.ru/>